

Сюй Мо едва успел закончить фразу, как шеф-повар и вся челядь замерли, словно вкопанные. Они подняли головы и уставились на него, не в силах поверить своим ушам.

Обычно нянька, приставленная Госпожой Ли, отдавала строгие распоряжения: кормить прежнего хозяина этого тела самыми объедками, ведь он всё равно ни на что не годен, а переводить на него продукты — лишь пустая трата. Его служанка Хунье не раз приходила сюда просить еды, но её всякий раз прогоняли, а сам юноша даже пикнуть не смел. Что же с ним случилось сегодня? С какой стати он явился лично требовать обед, да ещё и с таким видом, будто готов идти в рукопашную?

Сюй Мо не обращал никакого внимания на ошарашенных остолопов. Он сделал несколько шагов вперёд и среди бела дня, ничуть не смущаясь, схватил жареную курицу, на которую заглядывался уже давно. Резко оторвав ножку, он протянул её Хунье и с широким жестом воскликнул:

— Ешь!

Хунье опешила от такой прыти. Она машинально приняла куриную ножку, но продолжала растерянно смотреть на Сюй Мо.

— Ну же, ешь! — подбодрил её он.

Хунье тоже хлебнула лиха, прислуживая прежнему хозяину: еда была постной, без единой капли жира, отчего она росла слабой и болезненной. За весь год ей редко удавалось отведать хоть кусочек мяса, поэтому сейчас она, забыв о манерах, впилась зубами в курицу — главное было набить желудок.

Наконец, придя в себя, шеф-повар в ярости бросился вперёд, пытаясь отобрать птицу:

— Это обед, который заказала госпожа! Как ты, старший молодой господин, смеешь воровать!

Сюй Мо проглотил кусок курицы и, прикрывая собой Хунье, парировал:

— Что значит воровать? Я беру открыто! А госпоже, если захочет, приготовишь ещё. Эта курица теперь моя.

Лицо шеф-повара побагровело. Он уже приготовился силой вырвать добычу: курица — дело наживное, но если госпожа узнает, что он позволил юноше съесть её заказ, не одобровать никому.

Сюй Мо в своё время занимался в зале боксом и борьбой. Хотя тело было чужим, память мышц никуда не делась. Когда шеф-повар, вытянув руки, рванул вперёд, Сюй Мо левой рукой оттолкнул Хунье, пригнулся, уворачиваясь от грузного тела повара, и, оказавшись за его спиной, с размаху пнул того под зад. Повар полетел носом в пол.

Взвыв от боли и ярости, он прорычал своим остолбеневшим подчинённым:

— Чего стоите?! Наваливайтесь! Если госпожа узнает, что он съел курицу, всем нам не поздоровится!

Слуги замялись, не зная, стоит ли лезть в драку, и тогда Сюй Мо подал голос:

— Смеее? Раскиньте мозгами: я здесь старший законный сын. Вы — всего лишь рабы. Если у меня хоть волос с головы упадёт, отец с вас шкуру спустит!

Услышав это, все попятились. Хотя домом заправляла Госпожа Ли, поместье всё же принадлежало роду Цзян. Раньше юноша терпел и молчал, и никто не заступался за него. Но даже кролик, загнанный в угол, начинает кусаться. Сейчас же, приняв вид наследника дома Цзян, он выглядел весьма грозно.

В итоге Сюй Мо и Хунье досыта наелись прямо на разделочном столе в кухне. Никто не смел больше сказать ни слова, никто не решался помешать. Слуги, боясь наказания, тайком побежали доносить Госпоже Ли.

Сюй Мо погладил свой округлившийся живот и спросил Хунье:

— Наелась?

Хунье, сверкая глазами, с улыбкой кивнула:

— Наелась.

Сюй Мо удовлетворённо кивнул и стал ждать появления Госпожи Ли. Всё вышло, как он и предполагал: она пришла, прихватив с собой всю свиту, какую только могла. Тут были и её дети, и личные няньки с горничными, и управляющий, и охрана. Целая процессия двигалась в их сторону.

Это было именно то, что нужно Сюй Мо — он боялся, что придет слишком мало людей и эффект будет не тот. Госпоже Ли было под сорок: несмотря на морщинки у глаз, кожа её сияла здоровьем, а в узких глазах таился расчёт.

— Цзян Сюй Мо, ты устроил беспорядок на кухне и ворует еду! Где твои манеры? — раздался голос Цзян Цин, второй дочери дома Цзян.

Сюй Мо громко икнул и неспешно ответил:

— Как моя фамилия?

Цзян Цин нахмурилась, подозрительно уставившись на него. Под его насмешливым взглядом она ответила:

— Ты что, с ума сошёл? Фамилия Цзян, не знаешь?

— Вот именно. Фамилия Цзян. Это кухня дома Цзян. Так почему это считается воровством, если я здесь ем?

— Ты...! — Цзян Цин захлебнулась от возмущения, не находя слов для ответа.

— Даже находясь в собственном доме, не можешь дождаться, пока дойдёшь до своих покоев, и жрёшь здесь как дикарь, позоря нас на глазах у всех, — с презрением бросил младший брат Цзян Цин, третий молодой господин Цзян Хуа.

В голове Сюй Мо вспыхнули воспоминания. Эти двое с детства издевались над ним, называя уродом и обвиняя в том, что он свёл в могилу родную мать. Зимой они обливали его ледяной водой, из-за чего он заработал хронический кашель, обостряющийся в холода.

У Сюй Мо запульсировало в висках. Подавив гнев, он сделал вид, что ничего не слышал, и принялся озираться по сторонам:

— Откуда здесь комары среди бела дня?

Пока остальные, сбитые с толку, тоже крутили головами, Сюй Мо тихо подошёл к Цзян Хуа и влепил ему звонкую пощёчину.

— Хлоп!

Сюй Мо потряс онемевшей от удара рукой:

— Комар сел тебе на лицо, я его прихлопнул. Выползли тут среди дня, ищут смерти...

Цзян Хуа схватился за опухшую щеку:

— Ты, мерзавец! Какие комары? Ты сделал это нарочно!

Сюй Мо, не слушая его, с кривой улыбкой заметил:

— То манеры, сё манеры... Вы оба, встретив старшего брата, даже не поклонились и не поздоровались. Где же ваши манеры? Съели их, что ли?

В древности превыше всего ценились старшинство и субординация. Каким бы ни был юноша внешне, его статус старшего сына оставался незыблемым.

Цзян Хуа, прикрывая лицо, огрызнулся:

— Ещё нас учишь? А сам? Увидел матушку и тоже не поклонился!

Сюй Мо усмехнулся, выглядя совершенно безобидно:

— Ваш старший брат уже протянул руку, чтобы поклониться матушке, но вы, забыв о приличиях, перебили меня своими расспросами.

Сюй Мо мастерски перевёл стрелки, вернув грязь тем, кто пытался его ею облить. Затем он сложил руки в приветственном жесте:

— А Мо приветствует матушку.

Госпожа Ли натянуто улыбнулась и кивнула.

Сюй Мо выпрямился и выразительно поднял бровь, глядя на Цзян Цин и Цзян Хуа. Мол, теперь ваша очередь.

Брат с сестрой были в ярости, но если поползут слухи, что они не уважают старшего брата, их репутация пострадает. И тогда, впервые в жизни, они поклонились этому ненавистному человеку и процедили сквозь зубы:

— Приветствуем старшего брата!

Звучало это так, будто они перемалывали эти слова камнями.

Сюй Мо просиял и великодушно отозвался:

— Оставьте эти формальности, мы же свои люди, не стоит так церемониться.

Лица брата и сестры стали ещё чернее. Про себя они проклинали его на все лады.

Госпожа Ли со своими детьми надеялась устроить показательную порку и посмеяться над юношей, но никак не ожидала, что он станет таким острым на язык.

Опытная интриганка, Госпожа Ли мягко улыбнулась:

— Что это с тобой сегодня, А Мо?

Она не стала спрашивать напрямую, что случилось, надеясь, что он сам проговорится, чтобы потом придаться к его словам.

— Отвечаю матушке, мы с Хунье были так голодны, что едва не падали в обморок. Пришли на кухню не нарочно, просто сил не было нести еду в свои покои, правда ведь, Хунье?

Сюй Мо подмигнул Хунье. Та сразу всё поняла, нахмурилась, схватилась за голову и сделала вид, что вот-вот упадёт в обморок.

— Отвечаю... Госпоже, мы с молодым господином были так голодны...

Улыбка Госпожи Ли застыла, словно маска, которая вот-вот сползёт с лица.

<http://bllate.org/book/21561/2219633>